

УДК 1:001

СПОСОБЫ РАЗРУШЕНИЯ СОЗНАНИЯ В ДИСКУРСЕ «ЧЕТВЕРТОЙ ВЛАСТИ» И ФОРМИРОВАНИЕ «ЧЕЛОВЕКА ОДНОГО ИЗМЕРЕНИЯ»

Н.А. Нехаева

Нефтеюганский филиал РГСУ, г. Нефть-Юганск

E-mail: rgsu86@bk.ru

Исследована роль средств массовой информации в процессе разрушения традиционных механизмов самоидентификации; процесс разрушения обозначен как антропологическая стратегия масс-медиа.

Ключевые слова:

Повседневность, культурологический дискурс, «жизненный мир», культура повседневности, массовая информация, симулякр, персонификация.

Обращение к проблеме роли медиа-системы (как средства управления сознанием) в разрушении системы ценностей и традиционных механизмов самоидентификации вызвало в среде исследующих эту проблему обращение к термину «Я – формирующих» технологий работы с сознанием, потенциал которых столь велик, что способен спроецировать искусственные, специально создаваемые механизмы идентификации, заменив ими механизмы традиционные, – скажем, такие, как механизмы конфессиональные, этно-национальные, культурно-исторические, государственные. С помощью СМИ идет процесс формирования глобального миропорядка с проницаемыми территориальными границами, но объектом идентификационной трансформации становятся не все этносы и уклады жизни: «Как показывают события вокруг Югославии, Афганистана и Ирака, сегодня главным условием спасения этноса оказывается смена его идентичности: чем быстрее народ отречется от себя, от своих религиозных, культурных, этно-национальных корней, от своих собственных целей и ценностей, от своей государственности, тем скорее он выживет».

Некоторые народы и этносы пытаются по-прежнему сопротивляться процессу глобализации, выдвигая и отстаивая свои Цивилизационные проекты (Китай, Малазия и т. д.). Но вся острота ситуации состоит в том, что благодаря деятельности СМИ объектом такой идентификационной переработки и перевербовки в «граждан мира» становится сегодня практически каждый житель земного шара, хотя большая часть населения планеты может этого так никогда и не заметить. Чем быстрее человек теряет свою определенность, тем более он соответствует тем ценностным матрицам, которые транслируются по экранам, тем более он становится уважаемым в глазах мирового сообщества» [1. С. 16]. Г.Г. Почепцов называет этот процесс идентификационной перевербовкой. Ранее религиозный мыслитель Е.Л. Шифферс показал: концентрическая война ведется для того, чтобы разрушить энергию святого, энергию архетипа страны, после этих разрушений страна превращается в пустое пространство.

Авторы концептуализируют подход, в границах которого концентрическая война, проводимая

средствами СМИ, рассматривается как форма противоборства, рожденная в ситуации кризиса национальных государств и складывания сетевых государств, пронизывающих сетками коммуникативных каналов тело любой страны: в границах сетевого государства возникают новые формы управления сознанием, а развитие новых институциональных форм коммуникативных принципов манипулирования сознанием опережает присвоение этого опыта. Исследующие проблему (такова, к примеру, позиция С.Г. Кара-Мурзы, Е.Е. Прониной, Н.В. Громыко) считают, что на пороге XXI века возникла необходимость обучения техникам и способам противостояния концентрическому оружию; необходимо создавать специальные образовательные пространства, в рамках которых возможно анализировать схемы и способы деятельности отечественных и зарубежных СМИ, Интернета, создавать альтернативные им средства и способы работы.

В экспериментальной школе № 1314 г. Москвы существует образовательный проект «МЕТА-СМИ»: школьники изучают обозначенные выше вопросы, создают информационные модели нового типа. Возможно обучение студентов и школьников способам, технологиям ведения межкультурных, межцивилизационных диалогов: здесь может быть найден выход за пределы концентрических войн и найден другой, мирный способ взаимодействия и дружественной конкуренции разных архетипов, форм и режимов сознания. Возможно важно обучение студентов и школьников собственно теоретическому мышлению, классическим образцам исследовательской деятельности, это один из самых надежных способов защиты сознания от неконтролируемых способов воздействия на него. Задача сохранения теоретического мышления в обществе М.М. Назаров рассматривает как важнейшую задачу. Автор считает необходимым менять модели обучения на факультетах и кафедрах журналистики. Будущих специалистов нужно обучать созданию новых информационных моделей, моделей рефлексивных СМИ, МЕТА-СМИ, которые могли бы анализировать для сознания зрителя способы подачи информации.

Все сказанное говорит о необходимости использовать технологические достижения цивили-

зации в созидающем, а не разрушающем человека режиме. Однако очевидна проблема, когда частью массовой культуры, как пишет М.М. Назаров, станет ряд конкретных вопросов: «... будут ли построены образовательные модели и образовательные программы, вплоть до уровня средней школы, чтобы человек, посмотрев передачу, смог ответить на вопросы: какую цель данная передача преследует, кто заинтересован в ее выходе, против кого она направлена, как и какими средствами ведущий пытается повлиять на наше отношение к рассматриваемому вопросу и какую позицию навязать, какие содержательные пласты при этом вырезаются и выбрасываются, какой спектр позиций противостоит навязываемой, что нужно проделать, чтобы сформировать собственную позицию по данному вопросу, если он действительно воспринимается как значимый?» [2. С. 20]. Именно это должно стать составным элементом массовой культуры.

Сегодня же сложилась ситуация, когда СМИ как часть культуры утрачивает свое духовное измерение, а эмпирическая реальность подменяется телереальностью; разработана система открытого психопрограммирующего воздействия на сознание человека СМИ. Эту ситуацию характеризует следующим образом: «Телевидение, хотя и не является химическим вторжением, тем не менее, в такой же мере способствует и пристрастию и точно так же вредно физиологически, как и любой другой наркотик. Совсем не отличаясь от наркотиков или алкоголя, телепереживание позволяет своему участнику вычеркнуть мир реальный и войти в притягательное и пассивное состояние. Тревоги и заботы с помощью поглощенности телепрограммой куда-то вдруг исчезают, так же как при выходе в «путешествие», вызванное наркотиками или алкоголем» [3. С. 69].

Анализирующий проблему психопрограммирующего воздействия СМИ на сознание человека М.М. Назаров сопоставляет воздействие прессы начала XXI в. и перестроечной прессы 80-х гг. прошлого века, поражающей смелостью суждений о происходящем и небывалым разнообразием мнений, непривычной состязательностью точек зрения и публицистической заостренностью выступлений: «Читатели, попадая под магическое влияние волнующих публикаций той недолгой поры, не очень жаловались на тяготы и степень своей внушаемости» [3. С. 67]. Профессионалы же новой формации огорчены тем, что сегодня массовую аудиторию способны собрать лишь бульварные газеты, развлекательные теле-шоу и отчасти интерактивные радиоэфир. Журналисты по большей части сетуют, что их творчество остается невостребованным, а газеты становятся «желтыми», политики скандальными, избирательные технологии грязными.

Исследователи находят журналистику в состоянии «мучительной самокоррекции». Возможно так оно и есть, но настораживает другое – СМИ словно стали действовать по закону перехода в свою полную противоположность. В нашей памяти еще

свежи набатные строки «подручных партии», о жарких сражениях на нивах страны за высокие урожаи хлеба, о ратных подвигах «героев труда» выдававших на-гора тонны «черного золота» в патриотических починах: «за себя и за того парня». С тем же усердием и энтузиазмом, в тех же непомерных дозах потчуют нас масс-медиа теперь уже не фальшивой парадностью рапортов, а грязной крикливостью о бесконечном насилии и криминале.

Послушные в прошлом средства массовой информации и пропаганды, изрядно «пожелтевшие», преобразовались в «четвертую власть». Ее еще называют «внесистемной», «общезнаменательной» и «не государственной» властью, усердно отрабатывающей определенные инвестиции. Власть эта с мощнейшим арсеналом возможностей способна заставить аудиторию продолжительное время жить на пайке трагических новостей, выстраивать по закону телевизионных картинок сценарии современных войн.

Свершилась активизация психологического компонента в структуре СМИ: аудитория превращена в «телепациента» – передачи не соответствуют изначальной природе, функциям и назначению СМИ; привычка к постоянному просмотру телепередач нарушает чувство времени, другие восприятия для человека становятся нереальными, человек принимает телереальность за реальность, телевидение превращено в «сфабрированный поток данных», обработанный для навязывания точки зрения. В программе ТВ был опубликован анонс на картину «Семейные ценности Адамсов». «Черная» комедия о семействе садистов и упырей режиссера Барри Зонненфельда рекламировалась одной строкой: «Заряженное кино на порно – двигательный аппарат». Осторожное обращение со словом всегда выступало показателем культуры общения и состоянием здоровья элиты, поскольку она управляет обществом. Сегодня упреки в адрес властей информационных обществ (из народа создается легко управляемый «*оxлос*» – однородная толпа, примитивная по своим чувствам и низменным притязаниям) оправдываются. Мир государства утрачивает свою актуальность, поскольку именно через СМИ можно совершать государственные перевороты; возникает необходимость политически трактовать феномен коммуникаций. А этот феномен доказывает: «тот, кто не мелькает на ТВ, тот просто социально не существует». Сегодня можно говорить о методологических аппаратах государства: кто имеет ТВ, по сути имеет власть.

На наш взгляд, интересна в интерпретации проблемы управления сознанием позиция Н.С. Автономовой, полагающей, что манипулирование не присуще лишь какой-то одной или нескольким областям, тогда как другие совершенно от него свободны, оно распределяется по принципу градации форм и степеней.

При устном общении возможности обширнее; письменный текст можно перечитать и изменить свое мнение: «Казалось бы, радио было формой

«массового одурачивания», однако и тут каждый по приемнику слушал свое, а то и ловил вражеские голоса. Телевидение ныне — это предельно массовая информационная технология, однако и тут каждый, прыгая с канала на канал, создает себе индивидуальные программы. Эти возможности индивидуализации еще выше в Интернете, где пользователи сидят за закрытой дверью, часто ночами, создавая свои миры, нередко болезненно оторванные от реальности. Мы не ошибаемся, когда говорим о специфике аудиовизуального воздействия, об огромном влиянии зрительного образа совокупно с текстом, музыкой. Часто нам кажется, что мы видим нечто «своими глазами», тогда как это вырезки, сделанные чужими руками и определенные чужой позицией. Напротив, мы не верим глазам своим, когда клипы с бешеной скоростью разворачивают перед нами череду резко сменяющихся образов. Однако мы ошибаемся, если думаем, что можем компетентно судить об этих явлениях, определять, что в них заслуживает поддержки, а что — порицания: они пока еще слишком мало изучены и трудно поддаются анализу. Изучать эту область под силу лишь человеку, сведущему и в изобразительных искусствах, и в техниках анализа социальных дискурсов, и в психологической, социально-культурной, философской феноменологии восприятия» [4. С. 26].

И хотя, как утверждает Н.С. Автономова, демократию в современном смысле — французскую революцию — подготовило книгопечатание — брошюры, нынешнее распространение новых информационных технологий не всегда имеет демократические последствия. По-видимому, оно еще больше расслаивает общество, еще больше увеличивает отставание того большинства людей на всех пяти континентах, у которых нет интернета (80 % всех языков, на которых говорят в мире, бесписьменные). Те же, у кого прямого доступа к новым технологиям нет, будут получать информацию еще более опосредованную, еще более тенденциозно обработанную, имея в своем распоряжении все меньше средств этому противостоять.

Информационные технологии и СМИ как ресурс информационной власти и оружие занимают место «Я — формирующих» структур (термин В.Н. Поруса). В.Н. Порус, использующий этот термин, отмечает интересную и важную в аналитическом смысле деталь: пока доступ к ним затруднен и каналы информации немногочисленны, «формирование когнитивных процессов происходит медленно, и есть иллюзия, что оно всерьез зависит от «черного ящика», который по традиции называется «сознанием» или «мышлением». Но вот доступ становится практически неограниченным, количество каналов увеличилось неимоверно, информационные потоки с сумасшедшей скоростью вертят «колеса» так называемого «Я». Иллюзия автономности и суверенности «Я» раз-

веивается. Это и есть (подчеркнутая идеей «децентрации» Ж. Деррида) «смерть субъекта»; утешению не осталось ни центрального места в каком-либо самостоятельном деле, ни сколько-нибудь заметного времени на самоидентификацию; «субъекту» больше нигде и незачем жить» [5. С. 41].

В.Н. Порус говорит о ситуации, в которой исчезающее «Я» уступает место безликому индивиду, дает применение информационных технологий как инструментов технологий политических; и политические технологии не только выводят индивида из сферы рационального политического мышления, а ставят под сомнение его индивидуальность: чем отличается одно манипулируемое сознание от другого? В.Н. Порус утверждает, что здесь под сомнением не только индивид, вслед за суверенностью и автономностью субъективности утрачивающий и свою индивидуальность — под еще большим сомнением общественно-политический строй, с лозунгами личной свободы и прав человека, но без человека, взамен которого выступает «человеческий материал», формируемый и манипулируемый совсем не в меньшей степени, чем тот же материал в условиях тоталитаризма (хотя и иными методами). Под сомнением идея демократии, ибо «народовластие» — опасная утопия, когда народ низводится до «электората», составленного из марионеток, у которых вместо рационального мышления и совестливой души — модусы поведения, сформированные потоками «информации». При этом, казалось бы, исполнено требование свободы доступа к информации в ее различных вариантах, но эта свобода — средство уничтожения индивидуальности, причем опасность не в самих «информационных технологиях», а в ситуации, когда нарастание информационной плотности среды обитания людей выдается за наступление новой культуры: информации становится все больше, но ткань духа «внутри» человека все более изношена. Эта «легкость» духовного бытия — условие превращения человека в материал, используемый структурами власти. Гигабайты «полезной» или «развлекательной» информации, попадая во внутреннюю пустоту души, извлекают из нее приемлемые и планируемые формы лояльности: это все тот же хорошо знакомый «массовый человек» Ортеги-и-Гассета, сказавшего задолго до всякого Интернета: Когда для заурядного человека мир и жизнь распахнулись настезью, душа его для них закрылась наглухо. Ничто так не противоречит человеческой жизни, как ее же собственная разновидность, воплощенная в «самодовольном недоросле». И когда этот тип начинает преобладать, надо бить тревогу и кричать, что человечеству грозит вырождение, едва ли не равносильное смерти. И разве не выглядит очевидным симптомом вырождения тяга к виртуальности, подобная тяге к галлюцинациям, дающим иллюзию бессмертия и всемогущества?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Наука, 2001. – 213 с.
2. Громыко Н.В. Интернет и постмодернизм – их значение для современного образования // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 175–180.
3. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. – М.: Наука, 1999. – 176 с.
4. Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. – М.: Наука, 1988. – 231 с.
5. Порус В.Н. Обжить катастрофу. Современные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 24–36.

Поступила 24.04.2008 г.

УДК 001.2

КОММУНИКАЦИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКЕ ЧАСТНЫХ ЖИЗНЕННЫХ МИРОВ И СТАТУС МЕДИА-ВЛАСТИ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Н.А. Нехаева*, А.П. Чубик

*Нефтеюганский филиал РГСУ, г. Нефтеюганск

Томский политехнический университет

E-mail: rgsu86@bk.ru

Раскрыта трансформация статуса коммуникации и коммуникативных технологий в культуре. Обоснована роль коммуникативных процессов в мире повседневности, раскрыта роль медиа-власти в коммуникативном пространстве.

Ключевые слова:

Пространство культуры, коммуникативные технологии, коммуникации, манипулирование, «четвертая» власть, политическое манипулирование, политические коммуникации, глобализм, повседневность, жизненный мир.

Актуальный аспект современного культурного развития связан с возникновением новой конфигурации культурных процессов в информационно-коммуникативном пространстве, что обуславливает формирование новой онтологии мирового порядка. Информационные технологии, трансформируя пространство современной культуры, вызывают целый ряд изменений во всех областях культурной и социальной жизни. Процесс информатизации фиксирует поворот исторического времени, воплощающийся в появлении новой цивилизации, нового чувства истории, нового понимания человеческого развития в исторической перспективе и обращение к глобальному сообществу как главному субъекту эволюции цивилизации. Это также вводит тему «глобального или мирового сознания», которая не является уникально новой, она уже существовала в истории человечества, отголоски чего можно найти в древнейшей культурной традиции, Санскрите: «Истина заключается в том, что весь мир – одна семья». Современные социокультурные процессы глобализации и информатизации смешивают человечество в единое психологическое и коммуникативное целое. Трансформация мирового сознания, эволюция мира в направлении формирования глобальной и информационной парадигм отражают глубинные изменения цивилизационного процесса. Возможно, в определенном смысле, процессы глобализации и информатизации выражают эволюцию современной культуры в направлении формирования всемирной политики.

В XXI в. изменился статус коммуникации и коммуникационных технологий в культуре, причем широко распространенный термин «взрыв коммуникаций» означает перенос акцента на управление, организацию коммуникативных процессов. С этими изменениями связано утверждение концепции «я-формирующих» структур (в терминологии В.Н. Поруса) как инструмента, предопределяющего направление эволюции коммуникативного пространства современной культуры. Эта проблема является практически неизученной в гуманитарных науках (философии, социологии, политологии и т. п.) и нуждается в серьезной проработке в плане категориального оформления, а также в плане формирования гипотез, их аргументации и концептуализации.

Становление категории «коммуникация» в качестве одной из базовых для социальной теории привело к возникновению термина «коммуникативная онтология социальной реальности», то есть реальности, которая может быть интерпретирована в качестве коммуникативной сферы самоорганизующихся социокультурных форм и сфер, коммуникативное пространство которых исследуется в работах Ю. Хабермаса. Теоретики отмечают, что современные масс-медиа формируют когнитивные ориентации индивидов. Обращение к проблеме роли медиа-систем в формировании пространства современной культуры вызвало обращение к проблеме «я-формирующих» технологий, которые способны заменить традиционные механизмы работы